

ВОСКРЕСЕНЬЕ.

ТОМ. I. №. 13.

МАРТА 2го.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходилъ
чрезъ
каждые пять дней

1830 ГОДЪ.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 72-хъ
No., въ С. П. Б. 55 руб.
съ пересылкой и разно-
ской 40 рублей.

Въ Мартъ Газета сѧ выходитъ въ слѣдующіе дни: 2-го числа (въ Воскресенье), — 7-го (въ Пятницу), — 12-го (въ Среду), — 17-го (въ Понедѣльник), — 22-го (въ Субботу) и 27-го (въ Четвергъ).

А С А М Б Л Е Я

при Петре I-мъ. (*)

Въ большой компактѣ, освѣщенной сальными свѣчами, которыя прускло горѣли въ облакахъ шабачнаго дыму, Вельможи, съ голубыми лентами черезъ плечо, Посланники, иностранные купцы, Офицеры Гвардіи въ зеленыхъ мундирахъ, карабельные маспера въ курпикахъ и полосатыхъ панталонахъ, пломпою двигались взадъ и впередъ при безпрерывномъ звуку духовой музыки. Дамы сидѣли около спѣй; молодыя блистали всею роскошью моды. Золото и серебро блестело на ихъ робахъ; изъ пышныхъ фижмъ возвышалась, какъ спѣбель, ихъ узкая шапка; алмазы блестѣли въ ушахъ, въ длинныхъ локонахъ и около шеи. Онъ весело повершывались на право и на лѣво, ожидая кавалеровъ и начала танцевъ. Барыни пожигали спарадаись хипро сочепашь новый образъ одежды съ гонимою стариной: чепцы сбивались на соболью шапочку Царицы Наталии Кириловны, а робронды и манипулы какъ-то напоминали сарафанъ и душегрѣйку. Казалось, онъ болѣе съ удивленіемъ, чѣмъ съ удовольствіемъ присутствовали на сихъ нововведеніяхъ игрицахъ и съ досадою косились на женъ и дочерей Голландскихъ шхиперовъ, которыя, въ канифасныхъ юпкахъ и въ красныхъ кофшокахъ, взяли свой чулокъ, между собою смысь и разговаривая, какъ будто дома. Замѣтила новыхъ госпей, слуга подошелъ къ нимъ съ пивомъ и спаканами на подносѣ. «Que diable est-ce que tout cela?» спрашивалъ К. въ полуслова у И....а. И....ъ не могъ не улыбнуться. Императрица и Великая Княжна, блестящая красоппою и нарядами, прохаживались между рядами госпей, привѣтливо съ ними разговаривая. Государь былъ въ другой комнатѣ. К., желая ему показаться, насилиу могъ шуда прорѣбляясь сквозь безпрепанно движущуюся плонпу. Тамъ сидѣли большею частію ипоспранцы, важио по-

куривали свои глиняныхъ трубки и опоражнивая глиняныя кружки. На столахъ разставлены были бутылки пива и вина, кожаные мѣшки съ шабакомъ, спаканы съ пущемъ и шахматныя доски. За однимъ изъ сихъ споловъ Петръ игралъ въ шашки съ однимъ широкоплечимъ Англійскимъ шхиперомъ. Они усердно салютовали другъ друга залпами шабачнаго дыма, и Государь такъ былъ озадаченъ нечаяннымъ ходомъ своего прошивника, что не замѣтилъ К., какъ онъ около нихъ ни вершался. Въ это время плоспый господинъ, съ плоспымъ букеномъ на груди, суевливо вошелъ, объявивъ громогласно, чѣмъ танцы начались—и шопчасъ ушелъ; за нимъ послѣдовало множество гостей, въ томъ числѣ и К.

Неожиданное зрѣлище его поразило. Во всю длину танцовой залы, при звуку самой плачевной музыки, дамы и кавалеры стояли въ два ряда другъ противъ друга; кавалеры низко кланялись, дамы еще ниже присѣдали, сперва прямо пропивъ себя, попомъ поворотясь на право, попомъ на лѣво, шамъ опять прямо, опять на право и такъ далѣе. К., смопря на сѣе запѣливое препровожденіе времени, шарапиль глаза и кусаль себѣ губы. Присѣдаія и поклоны продолжались около получаса; наконецъ они прекратились и плоспый господинъ съ букеномъ провозгласилъ, чѣмъ церемоніальные танцы кончились, и приказалъ музыкантамъ играть менуэтъ. К. обрадовался и приготовился блеснуть. Между молодыми госполями, одна въ особенности ему понравилась. Ей было около шесшиадцати лѣтъ, она была одѣта богато, но со вкусомъ, и сидѣла подъ мужчины пожилыхъ лѣтъ, вида важнаго и суроваго. К. къ ней разлѣгѣлся и просилъ сдѣлать честь пойти съ нимъ танцевать. Молодая красавица смопрѣла на него съ замѣшательствомъ, и казалось, не знала, чѣмъ ему сказашь. Мужчина, сидѣвшій подъ нея, нахмурился еще болѣе. К. ждалъ ея решенія, но господинъ съ букеномъ подошелъ къ нему, оплевъ на средину залы и важно сказалъ: « Государь мой, ты провинился: во первыхъ, подошелъ къ сей молодой персонѣ, не отдавъ ей

(*) См. Голикова и Русскую Старину.

при должные реверансы; а во впорыхъ, взявъ на себя самому ее выбрашь, тогда какъ въ менуэншъ право сіе подобаещь дамъ, а не кавалеру; сего ради имѣнъ ты быши весьма наказанъ, именно, долженъ выпить кубокъ большаго орла.» К..... часть опь часу болѣе дивился. Въ одну минуту госпи его окружили, шумно пребуя немедленного исполненія закона. Петръ, услыша хохотъ и крики, вышелъ изъ другой компании, будучи большой охопщикъ лично присутствовавъ при шаковыхъ наказаніяхъ. Передъ Нимъ шолпа раздвинулась и Онь вспутилъ въ кругъ, гдѣ стоялъ осужденный и передъ нимъ Маршалъ асамблеи съ огромнымъ кубкомъ, наполненнымъ мальвазіемъ. Онь тщетно уговаривалъ пресипущника добровольно повиноваться закону. «Ага,» сказаъ Петръ, увида К.....: « попался, бранит! Изволь же, Мосье, пить и не морщишися.» Дѣлать было нечего. Бѣдный щеголь, не переводя духу, осушилъ весь кубокъ и отдалъ его Маршалу.— «Послушай, К....» сказаъ ему Петръ: « испаны-то на тебѣ бархатныя, какихъ и Я не ношу, а Я тебѣ гораздо богаче. Это мояшевство; смотри, чтобъ Я съ тобой не побравился.» Выслушавъ сей выговоръ, К..... хопѣлъ выйти изъ круга, но зашатался и чупъ не упалъ, къ неописанному удовольствію Государя и всей веселой компании. Сей эпизодъ не только не повредилъ единству и занимательности главнаго дѣйствія, но еще оживилъ его. Кавалеры спали шаркать и кланяться, а дамы присѣдѣть и постукивать коблучками съ большими усердіемъ и ужъ вовсе не наблюдала каданса. К.... не могъ участвовать въ общемъ веселіи. Дама, имъ выбрашала, по повелѣнію отца своего Г.... А..., подошла къ И.... и попутила голубые глаза, робко подала ему руку. И.... пропаниковалъ съ нею менуѣнъ и оплевъ ее на прежнее мысли; попомъ отыскавъ К...., вывелъ его изъ залы, посадилъ въ карету и опрѣзъ домой. Дорогою К.... сначала певняющіо лепешаль: «Проклятая асамблея!... проѣланной кубокъ большаго орла!...» по вскорѣ заспути крѣпкимъ сномъ, не чувствовалъ, какъ онъ прѣхалъ домой, какъ его раздѣли и уложили; и проснулся на другой день съ головою болѣе, смущено помня шарканья, присѣданія, плачный дымъ, господиша съ букетомъ и кубокъ большаго орла.

Г Л У Х И Е.

(Индійская Сказка изъ книги: РАНГСНА - ТАНТРА.)

ти за завѣракомъ. Кто знаешьъ, что бы могло случиться со спадомъ; между тѣмъ, голодъ мучилъ бѣднаго паспуха и надобно было на что нибудь рѣшишися.

У ближняго ручья Талеярій (*) косилъ праву для своей коровы. Нехотя паспухъ подходитъ къ нему, ибо хотія должностъ этихъ людей и соспощи именно въ охраненіи собственности опь воровъ, но часто сами Талеяріи-то и суть паспоянціе воры. — Паспухъ просилъ сего послѣдняго посмотрѣть за спадомъ, на время краткаго его отсутствія, увѣряя, что по возвращеніи онъ щедро наградиши его.

Талеярій былъ тухъ и ни пол слова не понялъ изъ речи паспуховой. «Какое право имѣешь ты надъ этой правой?» воскликнулъ Талеярій съ гневомъ: «развѣ моя корова должна умереть съ голоду для этого только, чтобъ были сыны твои бараны? Нѣть! не отдамъ тебѣ этой правой; оставь меня въ покой и прощай.» Сии послѣднія слова были сопровождены выраженнымъ движениемъ руки, которое паспуху показалось обѣщающимъ сохранить его спадо. Успокоившися на сей счетъ, паспухъ поспѣшилъ къ женѣ своей, на муряваясь дать ей добрую гонку за ея нерадѣніе.

Приблизившися къ дому, онъ увидѣлъ жену свою на порогѣ дверей; въ спрашныхъ судорогахъ, кащалася она по полу, опь съединяя ею вчера большаго количества сырого гороху. Необходимо помочь ей и попомъ приготовить самому обѣдъ, задержала паспуха гораздо болѣе, нежели какъ предполагалъ онъ. Совсѣмъ тѣмъ, не надѣясь слишкомъ на своего спорожа, паспухъ поспѣшилъ какъ возможно скорѣе возвратившися къ спаду. Увидѣвъ своихъ барановъ, пасшихся недалеко опь того мѣста, гдѣ онъ оставилъ ихъ, паспухъ перечель ихъ и нашедши ихъ всѣхъ въ цѣлости, воскликнулъ: «Вонъ добрый человѣкъ эшотъ Талеярій! эшо драгоценная жемчужина изъ всѣхъ его спасоварицѣй. Я обѣщаю ему награду; онъ достоинъ получиши ее.»

Въ спадѣ была овца хромая, но впрочемъ здоровая и жирина; паспухъ взвалилъ се на плеча и поднеся ее къ Талеярію, сказаъ: «Ты сберегъ мое спадо во времія моего отсутствія; вонъ тебѣ овца за спаду.»

Талеярій, видя передъ собою хромую овцу, возразилъ съ гневомъ: «Что ты меня обвиняешь? развѣ я изломалъ ногу твоей овцы? клянусь тебѣ, что современи твоего ухода, я съ эшою мысли не двигался и не думалъ подходить къ твоему спаду.

— «Она молода и жирина,» опровергъ паспухъ, « ходи и хромаешь; сѣши ее во здравіе съ твоей семьей и друзьями. —

— «Я уже тебѣ сказалъ,» возразилъ Талеярій еще съ большимъ гневомъ, « что я не подходилъ къ твоему спаду; а ты все таки хочешь увѣришь, что я изло-

(*) Имя деревенского слуги.